

DOI 10.46320/2073-4506-2023-6-181-24-29

ГУЛЯЕВА Елена Евгеньевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Дипломатической академии МИД России

ИНСТИТУТ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО УБЕЖИЩА В РЕГИОНАЛЬНОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ НА ПРИМЕРЕ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Публикация имеет целью изучение правовых особенностей института дипломатического убежища в региональном международном праве на примере стран Латинской Америки. Автор приводит различные правовые теории обоснования права индивида на дипломатическое убежище в ибероамериканском праве, а также судебную практику государств. Подробно проанализировано содержание, эволюция и значение региональных международно-правовых актов, регламентирующих предоставление дипломатического убежища.

Ключевые слова: международное право; институт дипломатического убежища; экстерриториальность; права человека; принцип невозвращения; региональное международное право.

GULYAEVA Elena Evgenjevna

Ph.D. in Law, associate professor of International law sub-faculty of the Diplomatic Academy of the MIA of Russia

THE INSTITUTE OF DIPLOMATIC ASYLUM IN REGIONAL INTERNATIONAL LAW ON THE EXAMPLE OF LATIN AMERICAN COUNTRIES

The publication aims to study the legal features of the institution of diplomatic asylum in regional international law on the example of Latin American countries. The author considers various legal theories of substantiating the right of an individual to diplomatic asylum in Iberoamerican law, as well as the judicial practice of states. The content, evolution and significance of regional international legal acts regulating the granting of diplomatic asylum are analyzed in detail.

Keywords: international law; institution of diplomatic asylum; extraterritoriality; human rights; the principle of non-refoulement; regional international law.

Гуляева Е. Е.

В Иbero-Америке на протяжении десятилетий люди подвергались политическим преследованиям за единственный факт исповедания или защиты идеалов, противоречащих диктаторским режимам, имевшим место в странах, гражданами которых они были. Исторический, политический, юридический и дипломатический характер региона способствовал зарождению и развитию института убежища именно на этом географическом пространстве. Недавно в ходе совместного семинара на конференции Европейской Ассоциации международного права представители из академического юридического сообщества обсуждали проблемы развития принципа недопущения принудительного возвращения (Non-refoulement's Positive Obligations) и роль новых типов международного нормотворчества, которые ограничивают этот основополагающий принцип международного беженского права, согласно которому беженцы и ищущие убежища лица не могут быть переданы или высланы в государство, под чьей юрисдикцией они находятся и где они будут преследоваться по политическим мотивам; горячо обсуждалась роль дипломатических заверений в запрете высылки [1, с. 508-527]. Дипломатические заверения, как правило, имеют форму необязывающего меморандума о взаимопонимании между государствами. На практике возможность обеспечения исполнения дипломатических заверений или придания им обязательной силы полностью зависит от соблюдения взаимных интересов соответствующих государств с учетом их конкретных политических, экономических или военных отношений. В последнее время принцип Non-refoulement (принцип невозвращения) активно обсуждается как в теории международного права, так и в практике органов международного правосудия¹.

1 Доклад Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах об-

В юридической науке выделяют два вида убежища: с одной стороны – территориальное убежище, также называемое внутренним, а с другой – дипломатическое или экстерриториальное убежище. Оба преследуют одну и ту же цель, а именно защиту, предоставляемую государством лицу, не являющемуся его гражданином, от преследования со стороны его государства по политическим или идеологическим мотивам. Важно подчеркнуть, что институт дипломатического убежища в иbero-американском регионе особо характеризуется своей правовой природой – из обычая [13, pp. 435-457], [18, p. 1344.]. Кроме того, можно утверждать, что после кодификации института дипломатического убежища обычай продолжал сохранять центральную роль в этом вопросе.

Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 года² не содержит положений о дипломатическом убежище, хотя содержащееся в ст. 41 упоминание о «специальных соглашениях» оставляет место для двустороннего признания права предоставления убежища политическим беженцам на территории представительства. Следует отметить, что Гаванская конвенция о праве убежища³, Конвенция о праве политического убежища 1933 года⁴, заключенная в Монтевидео

ращения и наказания Нильса Мельцера, A/HRC/37/50 ГА ООН от 18 ноября 2018 года.

2 Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml

3 Гаванская конвенция о дипломатическом убежище от 1928 года. // Сборник важнейших документов по международному праву. М., 1997. Ч. 2. С. 343.

4 Конвенция о международном статусе беженцев 1933 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/asylum/Rlnations1.4.html>.

и Межамериканская конвенция о праве дипломатического убежища 1954 года⁵ признают это право с оговорками, из чего можно сделать вывод о существовании регионального обычая [6, с. 493].

Развитие этого института в иберо-американском регионе в прошлом веке отвечало сложившейся на протяжении нескольких десятилетий нестабильной политической обстановке на континенте. Как утверждает профессор Барбоза [8], в этот период существовали различные обстоятельства, способствовавшие появлению этого института, среди которых выделяются следующие: диктатуры на континенте; обилие революций и военных переворотов с последующим приходом к власти правительств, сажавших в тюрьмы своих политических противников; растущее недоверие к судебному процессу этих правительств, возникавшее из-за нарушения конституции. Кроме того, можно сказать, что практика предоставления дипломатического убежища никогда не стремилась стать формой вмешательства во внутренние дела государств, а, скорее, средством защиты преследуемых ими лиц различных идеологий [10].

В ходе рассмотрения вопроса о предоставлении дипломатического убежища необходимо рассмотреть техническую сторону реализации права на убежище и его практическую составляющую. В связи с этим, важно подчеркнуть, что признаком суверенитета государства является экстерриториальность (теория внемлемности). Так, еще во второй половине XIX века экстерриториальность посла начинают считать очень опасной, поскольку в ряде случаев она дает возможность укрывать в помещении посольства какое-либо лицо, преследуемое в стране, отправившей посла, или в стране пребывания. Так произошло, например, в Англии в 1896 году с Сун Ят-сеном, когда его пытались задержать в китайской миссии и отправить в Китай. Китайскому посланнику было официально предложено английскими властями отпустить Сун Ят-сена, так как это противоречит законодательству Англии и является злоупотреблением дипломатическими привилегиями. Укрывание в здании посольства на протяжении XX столетия имеет место в Южной Америке, где частые политические перевороты побуждают укрываться в иностранных миссиях профессиональных политиков, преследуемых своими соперниками.

Никто из сторонников теории внемлемности не спорит, что она ведет к очень опасной правовой фикции. К тому же и Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 года в п.3 ст. 41 прямо подчеркивает, что помещения представительств не должны использоваться в целях, несовместимых с функциями представительства, а в преамбуле конвенции указано, что привилегии и иммунитеты предназначены не для выгод отдельных лиц, а для обеспечения эффективного осуществления функций дипломатических представительств как органов представляемых государств. Из этого следует, что в настоящее время в теории и на практике возобладали функции. Привилегии и иммунитеты принадлежат дипломатическому представительству как органу государства, а также сотрудникам представительства [5].

Существует понятие неприкосновенности дипломатического представительства, а также резиденции дипломатических агентов. Ни в недвижимость, принадлежащую представительству, ни в резиденцию дипломатического агента не могут проникать представители местных властей страны пребывания. Они не вправе также осуществлять какие-либо действия по принуждению, при условии, что недвижимость действительно предназначена для указанной цели. Из практики ясно, что по гуманитарным соображениям международный обычай допускает право на временное убежище

(хотя многим авторам [19] эта идея временного убежища представляется деградацией института убежища), что стало существенным в контексте, который существовал на протяжении 20-го века в регионе. В соответствии с этой предпосылкой дипломатические представительства (но не консульские помещения) в случае внутренней нестабильности государства могли предоставить временное убежище преследуемым по политическим мотивам людям, жизнь которых находилась в опасности [9].

Ф. Ф. Мартенс писал: «Но посланническая неприкосновенность имеет свои пределы. Понятно, что посланник, сам нападающий или ищущий опасность, не может претендовать на самооборону, совершенно законно со стороны лица, на которое он нападает, ни на принятие против него необходимых в этом случае полицейских мер предосторожности, нарушающих его неприкосновенность» [6, с. 40]. Отдельные авторы выделяли также и третий случай отсутствия ответственности, когда лицо, совершившее нападение на дипломатического агента, не знало об официальном статусе последнего. В любом случае, корректность поведения дипломатического агента представляет из себя лучшую гарантию требуемой им неприкосновенности.

Вопрос о пределах иммунитета резиденции может возникать, если в дипломатическом помещении предоставляет убежище лицам, преследуемым местной властью и, если в самом помещении совершено преступление или оно совершено лицами, принадлежащими к составу миссии или постоянно проживающими в данном помещении. Право предоставления убежища, как в дипломатических, так и в частных резиденциях дипломатических представителей в настоящее время не признается. По крайней мере, оно всеми отрицается в отношении уголовных преступников. У большинства авторов на этот счет существует единое мнение.

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО УБЕЖИЩА В ИБЕРО-АМЕРИКАНСКОМ РЕГИОНЕ

Как описано выше, практика предоставления убежища менялась на протяжении веков и на разных континентах. В Латинской Америке в колониальный период институт церковного убежища смог укорениться настолько основательно, что позже превратился в дипломатическую практику – после обретения независимости страны от владычества Испании. Институт убежища в те времена вызывал бурные дебаты и поэтому был предметом различных конференций, которые проводились на протяжении 19 и 20 веков. Одна из первых конференций состоялась в 1867 году в Лиме, но, к сожалению, не дала значимых результатов.

Некоторое время спустя, во время 1-го Южноамериканского конгресса международного частного права, был подписан Монтевидеоский договор о международном уголовном праве 1889 г.⁶, который стал первым правовым документом многостороннего характера, предусматривавшим право убежища. Однако данная тема стала более актуальной после принятия Гаванской конвенции о предоставлении убежища 1928 года⁷, которая установила, что дипломатическое убежище не может быть предоставлено лицам, обвиняемым в общеуголовных преступлениях, что между страной убежища и страной территориальной принадлежности лица, ищущего убежища, не существует обязательства оплачивать расхо-

5 Convention on Diplomatic Asylum of 28 March 1954 (Caracas). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%201438/volume-1438-I-24377-English.pdf>.

6 Tratado sobre Derecho Penal Internacional (firmado en Montevideo, el 23 de enero de 1889, en el Primer Congreso Sudamericano de Derecho Internacional Privado). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.oas.org/es/sla/ddi/docs/Tratado_sobre_Derecho_Penal_Internacional_Montevideo_1889.pdf.

7 Convención sobre Asilo (firmada en La Habana, el 20 de febrero de 1928 en la Sexta Conferencia Internacional Americana). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.oas.org/dil/esp/convencion_sobre_asilo_la_habana_1928.pdf.

ды, понесенные государством, предоставляющим убежище. Следует подчеркнуть, что данное положение было закреплено в преамбуле Конвенции о статусе беженцев 1951 года⁸, в которой отмечено: «предоставление права убежища может возложить на некоторые страны непомерное бремя и что удовлетворительное разрешение проблемы, международный масштаб и характер которой признаны Организацией Объединенных Наций, не может поэтому быть достигнуто без международного сотрудничества». Например, Гаванская конвенция 1928 года, участниками которой являются в основном государства Латинской Америки, закрепляет в ст. 39, что «дипломатические агенты изымаются из подчинения всякой гражданской и уголовной юрисдикции государства, в котором они аккредитованы».⁹ Другие государства, в частности, в Аргентине, Франции, Италии придерживаются концепции разграничения действий дипломатического агента как официального лица, и как частного лица. Положительное решение этого вопроса допустимо, прежде всего, в силу внутренних норм о подсудности в соответствующем государстве, например, ч. 1 ст. 29 ГПК РФ, ст. 14 ГК Франции, п. 15 ГПК ФРГ. Так, в 1922 году итальянский кассационный суд в деле «Комина против Кайта» высказался против доктрины абсолютного иммунитета, заявив, что последний является продуктом теорий, давно отвергнутых и противоречащих справедливости и законности, вследствие чего суд счел недопустимым, чтобы дипломатический агент накапливал большие долги или заключал сделки при отсутствии возможности заставить его выполнить взятые на себя обязательства.

Позже, в Конвенции о политическом убежище Монтевидео в 1933 году, статья 1 предыдущей конвенции была изменена: убежище не будет предоставляться обычным преступникам, осужденным или преследуемым по уголовному делу. Кроме того, было включено положение о том, что для предоставления убежища необязательно наличие двусторонних договоров между государствами.

На конференции обсуждались следующие статьи: «Статья II: Квалификация преступления соответствует законодательству государства, предоставляющего убежище. Статья III: Политическое убежище в силу своего характера как гуманитарного явления не подлежит взаимности. Под его защитой могут находиться все люди, независимо от их национальности. Статья IV: Когда запрашивается отзыв дипломатического агента (...) в связи со случаем предоставления политического убежища, дипломатический агент должен быть заменен своим правительством без ущерба для отношений между двумя государствами». Позже, в Договоре об убежище и политическом убежище в Монтевидео (1939 г.)¹⁰ четко отражено различие между понятием «дипломатическое убежище» и термином «убежище», причем последний переводится как «территориальное убежище». Этот договор подписали Аргентина, Боливия, Чили, Парагвай и Перу, но впоследствии, только Парагвай ратифицировал его, поэтому он не вступил в силу.

Каракасская конвенция о дипломатическом убежище 1954 г.¹¹ считается одним из наиболее важных и конкретных

инструментов по вопросам убежища, поскольку она существенно изменила традиционную систему, установленную Гаванской конвенцией и Конвенцией Монтевидео. Необходимо выделить статью 1, в которой четко устанавливаются места, где может предоставляться убежище: «Убежище, предоставляемое в миссиях, на военных кораблях, в военных лагерях или в самолетах, лицам, преследуемым за политические преступления, соблюдается государством территориальной принадлежности в соответствии с положениями настоящей Конвенции. Для целей настоящей Конвенции представительством является любая штаб-квартира обычного дипломатического представительства, резиденция глав представительств и помещения, предоставленные ими для проживания просителей убежища. «Военные корабли или военные самолеты, которые временно находятся на верфях, в арсеналах или мастерских для ремонта, не могут считаться зоной убежища». Кроме того, в соответствии с этим определением предполагается, что государство является единственным субъектом, уполномоченным предоставлять убежище. Еще один элемент, который необходимо учитывать, изложен в статье II: «Каждое государство имеет право предоставлять убежище; но оно не обязано давать его или объяснять, почему оно в нем отказывает». Принимающее государство является пассивным субъектом этих правоотношений. Соглашаясь предоставить убежище исключительно по своему усмотрению, оно берет на себя обязательство признать статус защиты за лицом, которое его запросило. Государство также несет ответственность за квалификацию причин предоставления убежища. Согласно статье IV Конвенции, «государство, предоставляющее такое право, должно определить характер преступления или причины преследования».

Вторым центральным элементом в юридическом процессе осуществления права на убежище является активный субъект права на убежище, а именно иностранное лицо, которое, будучи преследуемым своим государством, запрашивает убежище у другого государства. Конечная цель этого действия, предпринятого принимающим государством, состоит в том, чтобы по существу гарантировать жизнь, физическую и психологическую неприкосновенность, личную свободу и безопасность преследуемого лица. Это связано с тем, что в большинстве случаев лицо, ищущее убежища, является лицом, которому в стране его происхождения угрожает серьезная опасность быть убитым или подвергнутым пыткам со стороны государственных сил «безопасности» или других организаций, зависящих от государства, или лицами, или толпой, вышедшей из-под контроля властей. В любом случае проситель убежища должен быть политически преследуемым, а не обычным преступником. В Каракасской конвенции значимым является также положение статьи XX, в которой говорится: «Дипломатическое убежище не предполагает взаимности. Любое лицо, независимо от его национальности, может находиться под защитой убежища».

Тем не менее, как заявляют в своей работе Дутрениг, Эрнандес Маринес и Родригес де Ита [11], в конвенции не указано, что именно произойдет в случае, если иностранец попросит дипломатического убежища в другом государстве:

- изоляция с последующей передачей третьему государству;
 - беспрепятственное пересечение границы;
 - невозвращение в преследующую страну в случае, если они не получают вид на жительство в принимающей стране [15].
- Также большое значение имеет включение статьи V, в которой говорится, что: «Убежище может быть предоставлено только в случае крайней необходимости и на время, необходимое лицу, ищущему убежища, для того, чтобы покинуть страну с гарантиями, предоставленными правительством государства территориальной принадлежности, что его жизнь, свобода или личная неприкосновенность не подвергнутся опасности, или чтобы лицо, получившее убежище, могло

8 Конвенция о статусе беженцев, принята 28 июля 1951 года Конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созванной в соответствии с резолюцией 429 (V) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1950 года.

9 См.: Ст. 39 Гаванской конвенции о дипломатическом убежище от 1928 года. // Сборник важнейших документов по международному праву. М., 1997. Ч. 2. С. 343.

10 Tratado sobre Asilo y Refugio Político de Montevideo de 1939. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.oas.org/es/sla/ddi/docs/Tratado_sobre_Asilo_y_Refugio_Politico_Montevideo_1939.pdf.

11 Convención sobre Asilo Diplomático de 1954. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oas.org/juridico/spanish/tratados/a-46.html>.

быть помещено в безопасное место другим способом». Базовым документом института дипломатического убежища является охранная грамота, регулируемая в статье XIII: «После предоставления убежища принимающее государство может потребовать выезда лица, получившего убежище, на иностранную территорию, и государство территориальной принадлежности немедленно, за исключением форс-мажорных обстоятельств, должно дать необходимые гарантии, указанные в статье V, и принять соответствующие меры безопасности».

Другие вопросы, связанные с полномочиями принимающего государства, изложены в статье XIII: «В случаях, упомянутых в предыдущих статьях, принимающее государство может потребовать, чтобы гарантии были даны в письменной форме, с учетом сроков выезда, реальных условий опасности, возникающих для выезда просителя убежища. Государство убежища имеет право выдать лицо, ищущее убежища, из страны. Государство территориальной принадлежности может указать предпочтительный маршрут выезда лица, ходатайствующего о предоставлении убежища, без определения страны назначения. «Если убежище осуществляется на борту военного корабля или военного самолета, передача может быть совершена на них, но с предварительным соблюдением требований о получении соответствующей охранной грамоты». Аналогичным образом в статье XVII было установлено, что: «После выезда лица, получившего убежище, принимающее государство не обязано поселять его на своей территории; но оно не сможет вернуть его в страну происхождения, кроме как по волеизъявлению лица, получившего убежище», помня, что это соответствует норме *jus cogens*. Очевидно, что эта практика возникает в ответ на нестабильность и политические конфликты, с которыми пришлось столкнуться Латинской Америке в прошлом веке. Таким образом, был закончен этап позитивизации латиноамериканского института убежища в его варианте классического международного права при сохранении гуманитарной тенденции. Помимо всего вышесказанного, проследив эволюцию развития института убежища (кодифицированный институт убежища) в ибероамериканском регионе, следует отметить, что он зародился еще в международном классическом праве.

Еще один элемент, на который ссылается Конвенция, касается обязанности принимающего государства как можно скорее уведомлять о предоставлении убежища соответствующий орган государства территориальной юрисдикции. Кроме того, в соответствии со статьей XVIII «лицам, предоставляющим убежище, не разрешается совершать действия, противоречащие общественному спокойствию или вмешиваться во внутреннюю политику государства пребывания». Квинтэссенцию всех перечисленных норм и принципов, касающихся дипломатического убежища, четко сформулировал Мигель Антонио Васко Валлехос [17, р. 48-49]:

1. «Убежище может быть предоставлено в дипломатических миссиях, на военных кораблях и в военных лагерях или самолетах только лицам, преследуемым по политическим мотивам;

2. Каждое государство имеет право предоставлять убежище, но не обязано предоставлять его или указывать причины, по которым в нем отказано;

3. Не является законным предоставление убежища лицам, обвиняемым или преследуемым в обычных судах за общеуголовные преступления, а также дезертирам из вооруженных сил;

4. Квалификация характера правонарушения принадлежит государству, предоставляющему убежище;

5. Убежище предоставляется в случае крайней необходимости и на время, строго необходимое для того, чтобы проситель убежища был помещен в безопасное место;

6. Под неотложными понимаются случаи, когда лицо подвергается преследованию лицами или толпами, вышед-

шими из-под контроля властей, или самими властями, а также когда им угрожает опасность лишения права на жизнь или свободу;

7. Государство убежища должно оценить, являются ли мотивы лица таким чрезвычайным случаем;

8. О предоставлении убежища должно быть сообщено как можно скорее Министерству иностранных дел государства территориальной юрисдикции;

9. Государство территориальной юрисдикции может потребовать выезда лица, получившего убежище, из страны, для чего ему предоставляется охранная грамота и необходимые гарантии;

10. Дипломатическое убежище не связано с принципом взаимности;

11. Лица, получившие убежище, не могут предпринимать действий, противоречащих общественному спокойствию или вмешиваться во внутреннюю политику государства, его предоставившего;

12. Принимающее государство не обязано размещать лицо, ищущее убежища, на своей территории; но не может вернуть его в страну происхождения, кроме как при явном согласии и желании такого лица;

13. Если из-за разрыва дипломатических отношений государств дипломатический представитель, предоставивший убежище, должен покинуть государство, он уезжает вместе с лицами, получившими убежище. Если это невозможно, дипломатический агент должен доставить их в представительство третьего государства».

Должностные лица, отвечающие за предоставление убежища, несут ответственность за то, чтобы лица, ищущие убежища, не совершали действия, противоречащие общественному спокойствию, не вмешивались во внутреннюю политику государства пребывания. Наблюдая исторический сценарий поступательного развития права на убежище, можно утверждать, что иберо-американские государства в целом приложили большие усилия, чтобы обеспечить правовую основу для этого института. В то же время важно отметить, что эволюция этого процесса сопровождалась различными дискуссиями, которые его стимулировали и продолжают стимулировать по сей день. Есть еще один чрезвычайно важный элемент в юридическом аспекте права на убежище, который объясняет взаимосвязь между ним и правами человека в целом. Дело в том, что во Всеобщей декларации прав человека (1948 г.)¹² изложены три основных права, которые в основном защищены благодаря праву на убежище:

- право на жизнь, поскольку в большинстве случаев лицо, ходатайствующее о предоставлении убежища, в стране, из которой он родом, подвергается реальной опасности быть убитым;

- право на свободу мысли и идеологии, поскольку институт убежища является инструментом защиты тех, кто подвергается политическим преследованиям, людей, чья жизнь или свобода находятся в опасности по признаку расы, этнического происхождения, религии или принадлежности к определенной социальной группе, или по политическим взглядам или деятельности;

- право на личную безопасность, недопущение пыток и жестокого обращения, а также применения жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство наказаний.

Важно отметить, что статья 14.1 Всеобщей декларации прав человека признает право каждого человека в случае преследования искать убежище и пользоваться им в любой стране при условии, что он не преследуется за совершение общеуголовных преступлений или за действия, противоречащие целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций. Видимо, дипломатическое право на убежище

12 Всеобщая декларация прав человека 1948 года // Российская газета. 1995. 5 апреля.

признается спорным, поскольку оно входит в противоречие с суверенитетом (и его пределами) государств и, кроме того, основано на защите основных прав личности, стремлении обеспечить защиту в стране их гражданской принадлежности, которая не способна гарантировать им минимальные права. С другой стороны, также необходимо учитывать права, приобретенные *лицом*, ищущим убежища, как четко указано в Конвенции о дипломатическом убежище 1954 года. Более того, институт убежища также подразумевает разделение с близкими или отсутствие привычного образа жизни, а также ограничение свободы лица, при котором индивид, получающий убежище, вырван из привычного окружения и комфортной жизни; утрату собственности, что является нарушением международных стандартов, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека.

Как утверждает профессор Карлос Торрес Хигена (1960) [16], после предоставления убежища принимающим государством человек приобретает ряд прав, которые не должны нарушаться, и среди которых мы можем упомянуть, в первую очередь, предоставление правового статуса, который подразумевает защиту от действий страны, из которой он прибыл, по существу гарантируя его жизнь и личную безопасность, в дополнение к другим правам, признаваемым за ним. Во-вторых, запрет на экстрадицию, для приостановки которой достаточно соответствующего заявления. И, далее – чтобы заявитель мог действовать в рамках закона принимающего государства, необходимо предоставить право на постоянное или временное проживание и выдать необходимые документы, удостоверяющие личность.

Изучение межгосударственной практики в регионе ясно показывает, что право на убежище глубоко укоренилось в рамках конституционных основ соответствующих стран, хотя и по-разному. Конституционный статус, который убежище приобретает во многих иберо-американских государствах, объясняет его природу как руководящего принципа самого государства. Кроме того, некоторые иберо-американские конституции содержат общее признание права на убежище, но далее его развитие происходит в рамках специального закона. Каждое государство имеет свои собственные национальные интересы и действует в соответствии с ними, как показывают прецеденты (Dutrénit Bielous, 2000) [12].

Право на дипломатическое (экстерриториальное) убежище приобрело конституционно-правовое закрепление во многих латиноамериканских государствах (Бразилия, Колумбия, Коста-Рика, Эквадор, Аргентина), наряду с вышеприведенным региональным договором. Кроме того, некоторые конституции содержат общее признание права на убежище, а процедуры его приобретения установлены в соответствующем национальном законодательстве. В международной практике следует выделить три ключевых дела о предоставлении убежища, таких как дело Виктора Рауля Хайя де ла Торре (V́ctor Raúl Haya de la Torre, 1951)¹³, Эктора Кампоры (Héctor Cámpora, 1976) [14, p. 46]¹⁴ и венесуэльских

судей (los Jueces venezolanos, 2017)¹⁵, с учетом политического контекста и решения в каждой ситуации. В этих пилотных судебных делах о предоставлении убежища совпало решение политически преследуемых лиц просить убежища в помещении дипломатических представительств и готовность третьего государства реализовать институт дипломатического убежища.

На примере выше упомянутых дел можно судить о прогрессивном развитии иберо-американского права на убежище в течение последнего столетия, а также о конституционных положениях различных стран региона как основном правовом инструменте, гарантирующем личную безопасность и защиту основных свобод тех, кто подвергся преследованиям в силу обстоятельств, возникших в результате систематических институциональных и политических кризисов, ставших постоянным явлением в государствах Южной Америки.

Правила, которые сложились в рамках института дипломатического убежища, были направлены не только на защиту прав и свобод преследуемых лиц, но и на регулирование прав и обязанностей государств убежища. Важно подчеркнуть, что разработка и принятие различных конвенций по этому вопросу ясно продемонстрировали желание государств региона проводить совместную политику, которая отвечала бы вызовам времени. Опыт подтверждает тенденции к солидарности и сотрудничеству в некоторых странах в отношении лиц, столкнувшихся с преследованием в их собственных государствах, и лишь в пределах юрисдикции другого государства имеющих возможность чувствовать себя в безопасности. Очевидно, что дипломатическое убежище основывается на защите прав человека, собственное государство которого не выполняло этой функции.

Власти государств убежища неоднократно сталкивались с ограничениями, установленными иберо-американскими договорами. Например, в Каракасской конвенции для предоставляющего убежище государства не указан конкретный срок по выдаче охранных грамот. Это позволяет государствам, преследующим свои интересы, не предоставив соответствующие меры безопасности, затягивать процесс выдачи, что как в случае с господином Кампорой, может губительно сказаться на состоянии здоровья просителя убежища. Стоит вспомнить слова Доклада Комиссии по правам человека по тому поводу, что это затягивание рассматривается как нарушение свободы лица, получившего убежище, и становится чрезмерным наказанием. Так, при рассмотрении дела в ЕСПЧ «Saadi v. the United Kingdom»¹⁶ Верховный комиссар ООН по делам беженцев, выступавший в данном деле третьей стороной, выдвинул позицию, согласно которой при толковании подп. «b» п. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года в отношении беженцев следует применять «тест на необходимость», то есть лиц, ищущих убежище следует отличать от обычной категории лиц, незаконно проникающих на территорию государства или лиц, подлежащих высылке, и для того, чтобы лишить свободы ищущее убежи-

13 Виктор Рауль Торре де ла Хайя во время государственного переворота 1948 г. в Перу вынужден был укрыться в посольстве Колумбии в Лиме, где ему пришлось оставаться до тех пор, пока в 1954 г. ему не разрешили отправиться в изгнание в Мексику. В 1957 г. он вернулся в Перу и победил на президентских выборах 1962 г., но новый военный переворот помешал ему вступить в должность. На выборах 1978 г. Виктор Рауль Торре де ла Хайя был избран президентом парламента. Judgment of International Court of Justice of the UN of June 13th, 1951. HAYA DE LA TORRE CASE (COLOMBIA / PERU). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/14/014-19510613-JUD-01-00-EN.pdf>.

14 Эктор Хосе Кампора родился 26 марта 1909 года в Буэнос-Айресе, городе Мерседес. Он был дантистом по профессии и стал важным аргентинским политиком, став президентом нации. Когда Перон пришел к власти, он назначил Кампору послом в Мекси-

ке. После переворота 1976 года, произошедшего после смерти генерала в 1974 году, ему пришлось укрыться в мексиканском посольстве в городе Буэнос-Айрес, где ему пришлось пробыть более трех лет. В конце концов, ему разрешили лететь в Мексику, где он вскоре умер.

15 El Parlamento venezolano inicia el proceso para destituir a los jueces que ejecutaron «el golpe de Estado». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elmundo.es/internacional/2017/04/02/58e12e4922601d35488b45ce.html> В соответствии с событиями в Венесуэле в начале августа 2017 г. судьи Эленис Родригес, Беатрис Руис Мерино, Хосе Фернандо Нуньес Сифонтес, Сулейма дель Валье Гонсалес и Луис Маркано Салазар появились в посольстве Чили в Каракасе, чтобы запросить дипломатическое убежище.

16 Application no. 13229/03, Saadi v. the United Kingdom, ECHR Judgment of 29 January 2008, § 67.

ще лицо по подп. «f» п. 1 ст. 5 Конвенции, необходимо нечто большее, чем простое отсутствие решения относительно его ходатайства; заключение под стражу должно быть необходимым (в том случае, когда менее обременительные меры будут недостаточными), а также пропорциональным преследуемой цели¹⁷. Вместе с тем, Суд отметил, что толкование первой части подп. «f» п. 1 ст. 5 Конвенции таким образом, что она допускает заключение под стражу только в том случае, если доказано, что лицо пытается нарушить порядок въезда в страну, наложило бы чрезмерные ограничения на применение данной нормы и на полномочия государства в сфере иммиграционного контроля [4].

Практика предоставления дипломатического убежища в Латинской Америке в течение прошлого столетия, и сам институт убежища создавался главным образом как юридический инструмент, гарантирующий личную безопасность и защиту основных свобод тех лиц, которые подверглись преследованиям по политическим мотивам, в результате систематических институциональных и политических кризисов, ставших постоянным явлением среди народов данного региона. Международный Суд ООН¹⁸ в решении по делу Хайя дела Торре постановил, что: «В Латинской Америке убежище - это институт, развитие которого во многом обусловлено внешними факторами».

Итак, подводя краткий итог исследуемого правового явления, можно заключить, что все указанные положения формируют региональную правовую модель национального законодательства государств латиноамериканского региона в сфере предоставления убежища. Богатая практика предоставления и специфика права на убежище в странах Латинской Америки [7, С. 59-71] характеризуется некоторыми особенностями. Специфика региональных подходов к институту убежища особенно очевидна в Иberoамериканском регионе. Важно отметить существование регионального обычая в международном праве в вопросе предоставления дипломатического убежища странами Латинской Америки. В рамках локального регулирования (Конвенция об убежище 1928 г., принятая на конференции американских государств) допускается, хотя и с определенными условиями, убежище, предоставляемое «политическим правонарушителям» в дипломатических или консульских представительствах и на военных кораблях, но лишь на ограниченное время с последующим выездом с территории преследующего государства. При этом, в регионе предусмотрены правовые гарантии личной безопасности и защита основных свобод тех, кто испытывает на себе угрозу потерять жизнь или свободу за свои убеждения либо за определенную этническую, религиозную, политическую принадлежность в условиях социальных потрясений, таких как революции, перевороты, гражданские войны и проч. Теория дипломатического убежища, используемая странами Латинской Америки и Карибского бассейна, предполагает временный экстерриториальный механизм защиты индивидов и применение нормы об отсутствии режима взаимности по этому поводу в отношениях между государствами. Таким образом, предоставление убежища в дипломатических представительствах является правовой традицией стран рассматриваемого региона. Однако в последнее время на доктринальном уровне наметилась тенденция к пересмотру многих подходов.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А. Х., Гуляева Е. Е., Трикоз Е. Н. Техника и практика международного нормотворчества: вызовы и решения (обзор материалов Международной конференции ESIL) // Вестник РУДН, Серия Юридические науки. - 2022. - Том 26. - № 2.
2. Белова О. С. Программа формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза: целевая модель общего рынка и вопросы правового регулирования // Евразийская интеграция. - 2017. - № 113.
3. Броунли Я. Международное право. М., 1977. Галенская, Л. Н. Право убежища. Международно-правовые вопросы. М.: Международные отношения, 1968.
4. Гуляева Е. Е. Правовые основания ограничения права на свободу и личную неприкосновенность по Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года. М.: Юрлитинформ, 2013.
5. Демин Ю. Г. Статус дипломатических представительств и их персонала. М., 1995.
6. Мартенс Ф. Современное международное право. В 2-х томах. М., 1958. Т. 2.
7. Ястребова А. Ю. Отдельные формы региональной международно-правовой регламентации института убежища. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. 2023. № 2.
8. Barboza J. Derecho Internacional Público. Zavalía Editor. Buenos Aires, 1999.
9. Cahier P., Derecho Diplomático Contemporáneo. - Ed. Rial. Madrid, 1965.
10. Caicedo Castilla J. El Panamericanismo. Editorial Depalma. Buenos Aires, 1961.
11. Desgravación del autor de los testimonios de Dutrénit, S.; Hernández Marines, C. y Rodríguez de Ita, G.: De Dolor y Esperanza. El asilo un pasado presente [DVD]. México: Instituto de Investigaciones Dr. Luis María Mora, 2002.
12. Dutrénit Bielous S. Notas para estudiar el asilo diplomático en Argentina, 1974-1982. Estudios N° 13, Enero-Diciembre 2000, Centro de Estudios Avanzados de la Universidad Nacional de Córdoba.
13. Hathaway J. The Rights of refugees under international law, 2nd edition. Cambridge, 2021.
14. Laura Hughes-Gerber. Diplomatic asylum: exploring a legal basis for the practice under general international law. Springer, 2021.
15. Lecitra M. El asilo diplomático en el Cono Sur (1970-1980). Los casos de Héctor Cámpora y Juan Manuel Abal Medina. UAI, 2013.
16. Torres Gigena C. Asilo Diplomático: su práctica y teoría, LA LEY S. A. Buenos Aires, 1960.
17. Vasco Vallejos M. A., Diccionario de derecho internacional, casa de la cultura ecuatoriana "Benjamín Carrión". Quito, 1986.
18. Zimmermann (ed.), The 1951 Convention Relating to the Status of Refugees and its 1967 Protocol: a Commentary. Oxford, 2011.
19. Галенская Л. Н. Право убежища. Международно-правовые вопросы. М.: Международные отношения, 1968. 128 с.

¹⁷ Там же. § 54.

¹⁸ Официальный сайт Международного Суда ООН. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.icj-cij.org/homepage/sp/summary.php>.